

УДК 33:930
ББК 65.02

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ
кандидат экономических наук, доцент
Байкальского государственного университета экономики и права,
г. Иркутск
e-mail: maid1960@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Анализируются историографические экскурсы, публикуемые на страницах отечественных учебных изданий по экономической истории, с точки зрения их конструктивного воздействия на данную дисциплину, формирования дисциплинарного самосознания, консолидации дисциплинарного сообщества.

Ключевые слова: экономическая историография, экономическая история, история науки.

D.YA. MAIDACHEVSKY
PhD in Economics, Associate Professor,
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: maid1960@mail.ru

HISTORIOGRAPHY ON THE PAGES OF EDUCATIONAL EDITIONS IN ECONOMIC HISTORY: CREATION OF DISCIPLINARY SELF-CONSCIOUSNESS

The author analyzes the historiographic excursions that are being published on the pages of domestic educational editions in economic history with relation to the function of constructive impact on the discipline: disciplinary self-consciousness creation and disciplinary community consolidation.

Keywords: economic historiography, economic history, history of science.

Известный американский философ и историк науки Т. Кун полагал, что учебники сужают ощущение учеными истории их дисциплины, «подсовывая» вместо нее «суррогат» — во многом искаженную, прежде всего вследствие стремления представлять историю науки в линейном и кумулятивном виде, траекторию движения научного знания. Впрочем, при этом он делал оговорку, что с педагогической точки зрения такая техника изложения выглядит безупречной [8, с. 175–180].

Между тем даже та небольшая часть истории дисциплины, что излагается в предисловиях, введениях или в разбросанных по тексту «вставках», отсылающих читателя к биографиям и (или) трудам ученых, принявших участие в ее «строительстве», школам,

направлениям, этапам в развитии науки, выполняет не только функцию приобщения к истории науки неопитов. Неизмеримо более важна роль такого «историографического суррогата» с точки зрения конструктивного воздействия на саму дисциплину, в нашем случае — экономическую историю, формирования дисциплинарного самосознания, консолидации дисциплинарного сообщества. Цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы выяснить, насколько хорошо историографические экскурсы, публикуемые на страницах отечественных учебных изданий по экономической истории, играют эту роль.

За исходную точку анализа следует принять рубеж 1950–1960-х гг., характеризовавшийся оживлением интереса со стороны

экономистов к проблемам экономической истории как науки, обсуждением содержательно-предметных ее оснований, а главное — появлением учебников и учебных пособий по данной дисциплине. Перемены не сопровождались, однако, сколько-нибудь значимыми историко-научными размышлениями. Исходной их посылкой были утверждения о решающем вкладе К. Маркса в превращение экономической истории в науку (и даже о выработке и введении им в научный оборот самого термина «экономическая история») и о России (СССР) — стране победившего марксизма — как о «родине истории народного хозяйства как самостоятельной отрасли научного знания» [1, с. 157].

Господствующая идеология творила мифологический «образ» экономической историографии. «Мы еще не создали историографических трудов по экономической истории... В историко-экономических пособиях обычно нет историографических экскурсов. Мы не созываем научных конференций... где могли бы заслушиваться и полемические доклады историографического характера», — констатировал один из участников совещания по проблемам экономической истории 1965 г. [10, с. 61–62]. Хотя при этом обращение к прошлому своей науки рассматривалось им совсем не как фактор воссоздания ее дисциплинарного единства и дальнейшего развития. С отсутствием историографических работ связывалось исключительно ослабление критики буржуазного «экономизма». Редкие историографические экскурсии в учебных изданиях, помещавшиеся, как правило, в разделе «Критика реакционной сущности основных направлений буржуазной историко-экономической науки», носили преимущественно «разоблачительный» характер.

О том, что остается в подобных историографических экскурсах за вычетом идеологической составляющей, можно судить, сравнив тексты учебных изданий, вышедших из-под пера одного и того же автора с интервалом в четверть столетия. Одно из первых пособий по истории экономики, увидевших свет в постсоветский период, менее чем на странице текста информировало читателя о возникновении науки истории экономики в недрах политической экономии еще в XVIII в.; появлении в первой половине XIX в. трудов,

уже специально посвященных истории хозяйства; создании на рубеже XIX–XX вв. первых кафедр истории хозяйства в европейских университетах; возникновении в первой трети XX в. специальных историко-экономических периодических изданий; и наконец, как о вершине процесса институционализации науки, создании международной ассоциации историков-экономистов в 1960 г. [9, с. 3]. То есть о том же, о чем сообщалось 25 годами ранее на восьми страницах, но «в обрамлении» соответствующей идеологической риторики [12, с. 14–22].

По аналогичной схеме, фиксирующей определенную хронологическую последовательность событий, совершавшихся в процессе институционализации экономической истории как науки, строится историографическое введение к курсу лекций по экономической истории белорусских авторов, издающемуся стереотипно с 1996 г. [11, с. 3–5]¹. Впрочем, сами авторы, судя по всему, не относят данную часть введения к собственно историографии, понимая под таковой рассказ о национальных «школах» экономической истории в форме знакомства с виднейшими их представителями². В этом рассказе находится место и К. Марксу, но отнюдь не как творцу «подлинно научной» экономической истории, а всего лишь как представителю немецкой историографии. Повествование о послевоенном бытовании экономической истории более схематично, поскольку речь идет уже о «направлениях» в развитии западной историко-экономической науки в целом, таких как «анализ экономической динамики» и «новая экономическая история», сливающихся в конечном итоге в «исторической экономике» [4, с. 8; 8, с. 16–17].

¹ Эту же схему, порой дословно совпадающую, хотя и оживленную упоминанием имен английских, немецких, русских (советских) ученых, внесших «большой» или «существенный» вклад в развитие науки на разных этапах ее истории, обнаруживаем на страницах учебника, впервые увидевшего свет тремя годами позднее [3, с. 15–17].

² Мы игнорируем при этом факт регулярного отождествления авторами «историографии» как термина, используемого для обозначения специальной дисциплины, изучающей историю науки, с термином «историография» в значении синонима профессиональной исторической науки.

Подобное слияние вызывает откровенное сожаление у белорусских ученых, так как свидетельствует, по их мнению, о «смещении» историко-экономических исследований в сферу экономической науки. Сожаление это, высказанное в историко-научном введении к курсу, нельзя воспринимать иначе как сожаление об изменении эпистемологической «ориентации» историко-экономической науки, выводящем ее за пределы социального (исторического) знания и помещающем в пределы науки (экономической), строящейся по образу и подобию неисторичного естествознания, и оценивать — иначе как попытку осознать различия, существующие в подходах историков и экономистов к познанию прошлого экономики, привлечь внимание к институциональному закреплению таких различий.

Исследовать прошлое историко-экономического знания действительно следует исходя из раздельного, а не унитарного видения эволюции «истории» и «экономики». Появление на их пересечении новых форм научной жизни хотя и не возводит между ними непреодолимых преград, ведет к утрате единства на методологическом уровне. Это обязывает историографа следовать исключительно методам своей дисциплины, рассматривая возникновение дисциплинарной организации экономической истории в качестве результата дифференциации либо исторического, либо экономического знания.

Авторы же большинства анализируемых изданий исходят из некоего «синтетического» характера дисциплины, будь то простая декларация о ее возникновении на стыке наук или вывод о ее «междисциплинарности» [4, с. 10; 3, с. 15], что навязывает историографическую интерпретацию — видение процесса становления экономической истории как науки, определение основных векторов ее развития на том или ином этапе и т.д. Об истории какой науки, например, могли бы вести речь в своих историографических экскурсах (если бы отважились на таковые) авторы учебников, утверждающие уже в первых их строках, что экономическая история и поныне «сохранилась как важная составная часть экономической теории, с одной стороны, и как основа истории человечества (надо полагать, исторической науки. — Д. М.) — с другой» [6, с. 9; 7, с. 8], и усматривающие

подтверждение тому в факте включения дисциплины в учебные планы не только экономических, т.е. гуманитарных (?!), но и технических вузов?

Заметим также, что внимание авторов учебных изданий, рассматриваемых в нашей статье¹, приковано к истории «западной» (= мировой) историко-экономической науки, которая демонстрирует логику процесса оформления экономической истории в самостоятельную отрасль знания. Составленная из крупных «пазлов», подобная «всемирная» историография не только весьма вольно обходится с границами дисциплинарными, но и легко преодолевает границы национальные. Отсутствие логики в процессе становления экономической истории в нашей стране как самостоятельной науки в этом случае легко списывается на счет господствовавшей долгие десятилетия идеологии и продолжительной изоляции от мировой науки. Нетрудно предположить, что, в соответствии с данной логикой, формирование «национальной школы» экономической истории возможно лишь путем «самоорганизации» ее в качестве составной части мировой экономической истории, подключения ее к современному «мейнстриму». Это, в свою очередь, заставляет крайне избирательно подходить к историографическому материалу, оценивая отечественные традиции в области науки сквозь его призму и тем самым творя очередной мифологический «образ» экономической историографии.

Примеры того обнаруживаются и на страницах анализируемых нами изданий. Так, научные достижения представителей «русской историографии» легко вписываются авторами этих изданий в развитие мировой историко-экономической науки, правда, ценой упоминания лишь тех ученых, взгляды которых соответствовали «мейнстриму» науки того или иного этапа ее истории (например, М.И. Туган-Барановский, Н.Д. Кондратьев и др. как внесшие вклад в анализ экономической динамики), или же ценой полного невнимания «русской историографии» к изу-

¹ По вполне понятным причинам нами рассмотрены лишь те издания, которые увидели свет в центральных издательствах.

чению истории русской (советской) экономики [11, с. 15, 17].

В крупномасштабную картину развития мировой историко-экономической науки совсем нетрудно вставить единичный «пазл», свидетельствующий об «успехах» отечественной историко-экономической науки, а также образования. Например, в одном ряду с фактом создания в 1955 г. кафедры экономической истории в Упсальском университете (!) можно многозначительно упомянуть об открытии в 1947 г. кафедры истории народного хозяйства и экономических учений в МГУ, не установив при этом связи данного историографического события с развитием национальной науки [3, с. 18]. Или не без гордости возможно сообщить читателям о том, что Россия была одной из первых в мире стран, где экономическая история уже на исходе XIX столетия обрела статус университетской дисциплины, не проведя самых элементарных историографических разысканий на предмет проверки достоверности факта прочтения В.Ф. Левитским курса именно экономической истории в 1885/86 учебному году в Ярославле в Демидовском юридическом лицее [3, с. 17; 4, с. 9; 6, с. 9]. В результате таких разысканий легко обнаружилось бы, что предметом курса на деле являлась история экономических учений, хотя, как писали в те годы, «в связи с главными фактами из истории хозяйственного быта».

Можно было бы ожидать, что подобных недостатков лишены учебные издания, сделавшие предметом своего изложения экономическую историю России, а тем более рассматривающие последнюю как историю национальной экономики. В большинстве из них, однако, отсутствуют даже краткие историографические экскурсы, знакомящие читателя с прошлым и настоящим этой отрасли знания в стране. Вселяющие некоторую надежду исключения либо подменяют экономическую историографию «общей», сосредоточивая внимание на изложении взглядов представителей «русской государственно-исторической школы» [2, с. 11–15], либо низводят историографию до обзора литературы, который можно рассматривать в лучшем случае в качестве рекомендаций для дополнительного чтения [5, с. 17–20].

Подводя итоги, стоит упомянуть об отсутствии самостоятельных разделов, посвященных истории этой научной дисциплины, и даже более простых, элементарных форм историографической рефлексии в подавляющем большинстве учебных изданий по истории не только отечественной, но и зарубежной (мировой) экономики. Отсутствие потребности в историографической рефлексии у их авторов — один из важнейших показателей степени научной зрелости самой дисциплины, в отечественном варианте — преимущественно описательной, ушедшей в голую эмпирику «истории экономики».

Те немногочисленные историографические экскурсы, которые часть авторов все же сочла необходимым предпослать своему курсу (и которые попали в наш обзор), вряд ли способны содействовать формированию дисциплинарного самосознания. Создаваемая ими путем механического соединения историографических фактов (имен, этапов, школ, направлений и т.д.) картина помещает на одной линии экономистов, использовавших исторические факты для обоснования своих теоретических построений, и историков, прибегавших к экономическим методам и приемам анализа и истолкования таких фактов. Набросанная широкими мазками и игнорирующая дисциплинарные границы, подобная историография призвана убедить в рождении новой «синтетической» дисциплины, нового дисциплинарного единства. Однако повторяемые авторами, словно заклинания, декларации о свершившемся междисциплинарном синтезе зачастую отражают не что иное, как ностальгию по ставшим уже достоянием истории науки представлениям о структуре, предметных областях и методах исследования экономического и исторического знания, заставляют вспомнить о недалеком прошлом, когда историко-экономическое знание рассматривалось исключительно под углом зрения, задававшимся отнесением политической экономики к числу исторических наук и господством в обоих подразделах исторического знания марксистской теории исторического развития. А в этих условиях вряд ли стоит ожидать от экономической историографии конструктивного воздействия на дисциплину «Экономическая история».

Список использованной литературы

1. Авдаков Ю.К. К вопросу о предмете истории народного хозяйства // Научные записки. Вып. 4 / Все-союз. заоч. экон. ин-т. Каф. полит. экономии. М., 1958. С. 156–174.
2. Богомазов Г.Г., Благих И.А. История экономики и экономической мысли России: учеб. М., 2010.
3. История мировой экономики: учеб. / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М., 1999.
4. История экономики: учеб. / под ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. М., 2000.
5. Ковнир В.Н. История экономики России. М., 2005.
6. Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики зарубежных стран: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
7. Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики России: учеб. для вузов. 6-е изд., стер. М., 2007.
8. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
9. Лойберг М.Я. История экономики: учеб. пособие. М., 1997.
10. Полянский Ф.Я. Критика буржуазных и реформистских концепций экономической истории // Тезисы докладов на научно-методическом совещании по экономической истории / редкол. Е.Ф. Борисов и др. Киев, 1965. С. 59–71.
11. Экономическая история зарубежных стран: курс лекций. 3-е изд., стер. / под ред. В.И. Голубовича. Минск, 2000.
12. Экономическая история капиталистических стран: учеб. пособие / под ред. В.Т. Чунтулова. М., 1973.

Bibliography (transliterated)

1. Avdakov Yu.K. K voprosu o predmete istorii narodnogo khozyaistva // Nauchnye zapiski. Vyp. 4 / Vsesoyuz. zaoch. ekon. in-t. Kaf. polit. ekonomii. M., 1958. S. 156–174.
2. Bogomazov G.G., Blagikh I.A. Istoriya ekonomiki i ekonomicheskoi mysli Rossii: ucheb. M., 2010.
3. Istoriya mirovoi ekonomiki: ucheb. / pod red. G.B. Polyaka, A.N. Markovoi. M., 1999.
4. Istoriya ekonomiki: ucheb. / pod red. O.D. Kuznetsovoi, I.N. Shapkina. M., 2000.
5. Kovnir V.N. Istoriya ekonomiki Rossii. M., 2005.
6. Konotopov M.V., Smetanin S.I. Istoriya ekonomiki zarubezhnykh stran: ucheb. dlya vuzov. 5-e izd., pererab. i dop. M., 2006.
7. Konotopov M.V., Smetanin S.I. Istoriya ekonomiki Rossii: ucheb. dlya vuzov. 6-e izd., ster. M., 2007.
8. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M., 1975.
9. Loiberg M.Ya. Istoriya ekonomiki: ucheb. posobie. M., 1997.
10. Polyanskii F.Ya. Kritika burzhuaiznykh i reformistskikh kontseptsii ekonomicheskoi istorii // Tezisy dokladov na nauchno-metodicheskom soveshchanii po ekonomicheskoi istorii / redkol. E.F. Borisov i dr. Kiev, 1965. S. 59–71.
11. Ekonomicheskaya istoriya zarubezhnykh stran: kurs lektzii. 3-e izd., ster. / pod red. V.I. Golubovicha. Minsk, 2000.
12. Ekonomicheskaya istoriya kapitalisticheskikh stran: ucheb. posobie / pod red. V.T. Chuntulova. M., 1973.